

КСЕНИЯ ВЛАСОВА

РОКИ И КАРА

Young
Adult

МИОО

Моей дочери

Окружающие часто будут говорить тебе, кто ты. Каждый раз ты должна заглядывать внутрь себя и спрашивать: кто я на самом деле?

*Однажды ты перестанешь спрашивать.
Твой внутренний голос окрепнет,
он станет сильнее гула вокруг.*

Часть I
Дебют

Глава 1

Начало шахматной партии называют дебютом. В этот момент в игре участвуют все тридцать две фигуры, поэтому эту часть партии считают самой сложной. Правильно разыгранный дебют зачастую обеспечивает игроку победу.

**1487 год, 8-й месяц, королевский замок
Тринадцати кланов**

Отец назвал меня Карой. Я думала, потому, что родилась первенцем — девчонка вместо долгожданного сына. Наверное, это был удар для гордого отца, мечтающего продолжить славную династию воинов-королей. Именно поэтому он не брал меня на руки первые три года моей жизни ровно до того времени, пока мама не подарила ему второго ребенка — мальчика. Лишь тогда отец, получивший то, что так сильно жаждал, — сына, названного Светом, — смилоствил-

ся: меня стали замечать, трепать по голове и разрешать играть с борзыми из его охотничьей стаи. Последняя привилегия оказалась лишней — шрамы на руках от собачьих клыков тому подтверждение.

Свет так и остался единственным сыном. После него родились еще три девочки, последняя умерла при рождении и унесла с собой жизнь нашей матери. В год, когда ее не стало, мне минуло двенадцать, и я начала догадываться, что причина нелюбви отца кроется не в том, что я принадлежу к женскому роду. В конце концов, он выбрал мне страшное имя — Кара богов, в то время как сестры отделались более снисходительными — Ирония и Шутка.

Я помню, как впервые услышала перешептывания слуг — едва различимые, как шелест листвы на ветру, и леденящие, словно снег в зимних горах, зачерпнутый голый ладонью.

— Волосы-то светлые, даже брови белесые.

— Вылитая белая лисица!

— Львиного в ней кот заплакал.

— Не наша она, чужая!

— Крови, видали, как боится?

— При ней курицу зарезали, она разревелась.

— Не львица, ох, не львица она!

— Позорище!

— Не позорище. Кара.

— Правильно король ей имя дал. Уж он-то знает, чья она, эта байстрючка, но молчит.

— И будет молчать. Стыдно льву попасться в расставленный капкан. Лучше сделать вид, что и капкана никакого не было.

— Звать его Первым. Не признается он, что стал вторым.

В тот день я долго пряталась на самом дальнем поле, свернувшись клубочком среди высоких колосьев ржи. Смотрела на чистое голубое небо и звала маму. Она бы объяснила, почему я не похожа на брата и сестер, почему люди не доверяют мне и смотрят свысока.

Но мама не пришла. Она не смогла спуститься с небосвода, где уже заняла свое место в семейном созвездии Рыжего Льва.

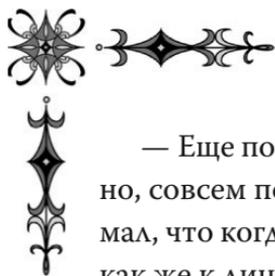
Когда желтые колосья лизнули лучи заходящего солнца и небо окрасилось в багровый цвет заката, я встала с примятой травы и отправилась домой. Сумерки же шли по пятам, наступая на мою тень.

С тех пор я больше не плакала — все равно никто не утешит, не прижмет к теплomu плечу, а раз так, то и ни к чему слезы лить. Я твердо решила с честью и достоинством пройти тот путь, что уготовили мне предки-звери, которых мы все чаще зовем богами.

Не знаю, какой именно первородный зверь мне покровительствовал, но в итоге моя жизнь сложилась лучше, чем я себе представляла, лежа в поле, укрытая от посторонних глаз золотом колосьев.

Деликатный стук в дверь прервал череду воспоминаний. Я не успела отложить в сторону вышивку, в замысловатый узор которой всматривалась, пока разум гулял по коридорам памяти, и иголка осталась наполовину воткнутой в полотно. Порог переступил брат, и я поспешила вскочить со стула.

— Мой король. — Я склонила голову.

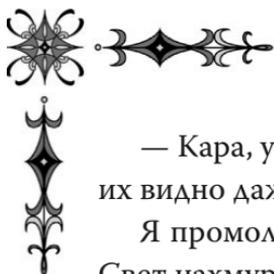
— Еще пока не король, — поправил он и восхищенно, совсем по-мальчишески цокнул языком. — Не ду- мал, что когда-нибудь скажу нечто подобное, но Кара, как же к лицу тебе траур!

Я неловко оправила одной рукой платье (в другой была зажата вышивка). Полностью глухой наряд открывал чужому взору лишь краешек шеи, но все равно казался дерзким. Почему-то алый — цвет крови, цвет траура — всегда смотрелся на мне, белесой девчонке с невзрачным лицом, вызывающе, а по словам Ника, и вовсе соблазнительно.

Я, принимая комплимент, благодарно присела в низком реверансе.

Свет отмахнулся. Он, возможно, в силу молодости или врожденной мудрости снисходительно относился к правилам этикета. Реверансы и поклоны оставляли его равнодушным — тщеславие не было слабостью моего брата. Иногда мне казалось, что слабостей за ним вообще не водилось.

Свет подошел ближе и взглянул мне в глаза. В свои пятнадцать он все еще продолжал тянуться вверх, но уже сейчас сравнялся со мной по росту. Только в отличие от меня, тонкой и слабой, брат, как и положено молодому льву, был хоть и поджар, но не болезненно худ. Широкие плечи, сильные руки, тренированное тело — Свет только входил в пору своего расцвета, но уже сейчас в нем чувствовалась порода. Через несколько лет он станет настоящим воином — опорой и гордостью клана, королем, перед которым будут преклоняться по зову сердцу, а не из чувства долга.

— Кара, у тебя такие черные тени под глазами, что их видно даже с порога. Ты снова не спала всю ночь?

Я промолчала, лишь виновато опустила ресницы. Свет нахмурился.

— Отец покинул нас семь дней назад, мы все по нему скучаем. Но кто бы мог подумать, что сильнее всех тосковать будешь ты.

Я обиженно поджала губы. Его слова прозвучали так, будто мне отказали в праве горевать по отцу. Свет, по натуре внимательный и чуткий, несомненно, заметил мою гримасу и поторопился пояснить сказанное:

— Это не значит, что я насмехаюсь над твоим горем. Я лишь замечаю, что оно глубже, чем могло бы быть у той, кому отец уделял меньше всех внимания.

Он ласково коснулся моей щеки, и я, прижавшись на мгновение к его ладони, перехватила руку. К несчастью, я забыла о вышивке, которую по-прежнему держала, и острие иголки впилося брату в палец. Свет отдернул ладонь; на указательном пальце, совсем близко от краешка ногтя, медленно выступала капелька крови.

— Священные предки! Прости! — От волнения я забыла все правила этикета. Теперь передо мной стоял младший брат, а не будущий король.

— Все в порядке. Всего лишь царапина.

Я не слушала его. Машинально оглянувшись по сторонам (пустая осторожность, в комнате мы были одни), обхватила его запястье правой ладонью, чтобы призвать дар, а левой медленно провела над ранкой. Когда я убрала руку, крови не было. Как и следа укола — чистая, целая кожа, ничего больше.

— Спасибо, — поблагодарил брат, — но, честно говоря, это было пустое. Жаль тратить твой дар зря.

Я не ответила. В голове вертелись слова позабытой старой приметы. Я могла припомнить лишь обрывки фраз, но не суть предостережения. Кровь перед ритуалом — к чему она?

— Ты всегда беспокоилась обо мне больше, чем требовалось. Я буду вечно благодарен тебе за это. В твоём лице я мог бы обрести злопамятного врага, но ты стала моим самым преданным другом.

Я невольно приоткрыла рот — брат всегда был искренен, но таких слов я от него ещё не слышала. Всматриваясь в его светло-карие глаза, любуясь медью рыжих волос, я гордилась им. Он был тем братом, о котором я боялась и мечтала. Свет никогда не обижал меня, всегда защищал от пересудов, и благодаря его поддержке меня перестали дразнить белой лисицей. Даже за глаза — я знаю, специально подслушивала разговоры слуг на кухне после вечернего костра. Я не помню, как именно мы подружились. Время стерло из памяти детали. Кто сделал шаг первым, кто первым обратился по имени — все это осталось в омутах воспоминаний, надёжно укрытое паутиной и присыпанное пылью давности событий.

Важно другое. Свет стал мне опорой, самым близким и дорогим человеком. Единственным человеком, которому я доверила свою страшную тайну. Он согласился хранить это знание ещё совсем ребёнком и до сих пор продолжал выполнять свое обещание.

Клеймо «ведьма» хуже, чем «лисица». Ведьм и колдунов изгоняли из города. Им не было места среди

обычных людей. То, что Свет называл даром, считали наказанием богов. Способом пометить паршивую овцу в стаде. Все понимали, что такая сила добра не принесет, только беду накликает.

Если человек не покидал город добровольно, дорога у него была лишь одна — на плаху.

Я не хотела для себя ни первой, ни второй участи. Я жаждала иного — семьи и детей. И брат согласился с моим решением. Позволил мне самой выбирать свой путь — невысказанная удача для девицы, пусть и благородных кровей.

Свет взял меня под локоть, и мы покинули мои покои. Уже на пороге он шепнул мне на ухо:

— Сегодня ко мне приходил Ник.

Брат замолчал и хитро улыбнулся. Я едва удержалась от того, чтобы не дернуть его за рукав, — нетерпеливо и совсем неподобающе для старшей принцессы.

— О чем же он просил? — как можно спокойнее поинтересовалась я. Мы шествовали по просторному холлу в сторону выхода из дворца. За нами бесшумно следовала охрана. Одним из стражей, коротко улыбнувшимся мне у двери, был Ник.

Его полное имя звучало как Защитник, и оно, признаться, ему очень шло.

— О самом драгоценном сокровище, Кара, — о твоей руке, — чуть посмеиваясь и тепло поглядывая на меня, ответил брат.

Внутри меня что-то ухнуло, а затем взлетело, рассыпавшись снопом разноцветных искр. Чувствуя, как скулы опалил яркий румянец, и стараясь не выдать своего волнения, я тихо спросила: